

Освобождая Таджикистан от мин

Ни один лежащий камень не остается без внимания

МИХАЭЛЬ УНЛАНД

Михаэль Унланд: Каково это – заниматься работой, в ходе которой ты подвергаешься угрозе со стороны самого губительного, как считают многие, наследия конфликта?

Майк Стори: Мы осуществляем разминирование в соответствии с международно-признанными нормами безопасности. Лично я считаю, что если должным образом следовать инструкциям, начиная с момента выхода за пределы установленной безопасной зоны, то вы на самом деле подвергаетесь меньшему риску, чем когда, например, пытаетесь перейти через оживленную центральную улицу в большом городе. Но если пренебрегать правилами и пытаться “срезать углы”, то это все равно, что переходить через ту же улицу, надев себе на голову непроницаемый бумажный пакет.

Разминирование предполагает строгое и профессиональное выполнение четко установленной последовательности действий. Именно из этого мы и исходим, когда обучаем группы таджикских специалистов тому, как выявлять опасные зоны, точно определять границы предполагаемых минных полей и уничтожать взрывоопасные “пережитки войны”. Так, например, мы их учим, что на склонах разминирование всегда следует осуществлять в направлении снизу вверх, поскольку, если делать это в обратном направлении, они могут потерять равновесие или споткнуться и скатиться в минное поле.

В этом году отмечается десятая годовщина подписания Оттавской конвенции, которая известна также как Договор о запрещении мин и является наиболее всеобъемлющим международным инструментом избавления мира от такой напасти, как противопехотные мины. С 2003 года ОБСЕ вносит собственный вклад в эти глобальные усилия посредством своей программы по разминированию в Таджикистане, опираясь на поддержку своего основного партнера по реализации этой программы — *“Fondation Suisse de Déminage”* (Швейцарский фонд помощи в разминировании) и под эгидой национального координационного ведомства — Таджикского центра по разминированию. В своем интервью журналу “ОБСЕ” на тему о процессе разминирования Майк Стори, советник по проектам вышеупомянутого Фонда, говорит, что цель полного освобождения Таджикистана от мин достижима при условии продолжения притока донорских средств, дающего возможность ускорить этот процесс, в котором уже получены обнадеживающие результаты. Г-н Стори, уроженец Зимбабве и гражданин Нидерландов, более двух лет проработал в Судане, занимаясь там разминированием. Он прошел полный курс обучения навыкам обезвреживания боеприпасов в кенийском Международном учебном центре по разминированию.

Саперы и их руководители готовятся к длинному, напряженному дню.

Фонд ШВЕЙЦАРСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ В РАЗМИНИРОВАНИИ

Вы что, хотите сказать, что эмоциональный фактор здесь никак не присутствует?

Еще как! Каждая извлеченная и уничтоженная мина означает спасенные человеческие жизни. Эта работа приносит удовлетворение, поскольку ты осознаешь, что самым непосредственным, прямым образом делаешь благое дело для других. Именно в этом и заключается эмоциональный аспект. Это совсем не то, что организовывать семинары или раздавать брошюры.

А можно ли полностью исключить вероятность несчастного случая?

В каждом несчастном случае значительную роль играет человеческая ошибка, как и во многих других видах деятельности. Руководитель работ, например, может ошибиться в определении степени риска, или типа мин, или же границ опасного участка. Мы ведь не роботы.

Ставите ли вы перед собой задачу обезвреживать определенное количество мин в день?

Мы подходим к этому с другой точки зрения. Иногда бывает так, что, в течение длительного времени и напряженно потрудившись на каком-то обширном участке, мы не обнаруживаем ни единой мины. Ну и хорошо. Главное – это сколько земли, в отношении которой ранее имелись опасения в плане наличия мин, удастся передать в распоряжение местного населения для продуктивного использования.

Значит, зачастую то, что вы делаете, это по-существу ликвидация не мин, а страха?

Совершенно верно. Противопехотная мина – это “территориально-заградительное оружие”. Если в результате случайного подрыва на мине кто-то погибнет или получит увечья, не имеет значения, насколько велик или мал данный участок территории: можете быть уверены, что люди из страха станут обходить его стороной. 93 процента территории Таджикистана – горная местность, а пахотных угодий в стране вообще не так много, поэтому вывод любого, даже самого маленького клочка земли из сельхозоборота означает, что сельские жители лишаются чрезвычайно ценного источника средств к существованию.

Существуют ли какие-либо распознаваемые методологические схемы закладки мин?

В Мозамбике и Судане, где мне довелось работать, мины нередко закладывались беспорядочно. Мы называем их “минами беспokoящего действия”: достаточно заложить всего несколько таких мин, чтобы отпугнуть людей от целого участка местности. В случае Таджикистана, когда в 2005 году российские войска передавали заминированные районы вдоль границы с Афганистаном под контроль таджикских властей, они также предоставили им соответствующие карты минных полей. Эти карты надежны и заметно облегчают разминирование, поскольку одной из самых трудных задач в этом деле является точное определение границ минного поля.

В отличие от этого не осталось никакой документации в отношении территорий в окрестностях города Гарм (центральная часть Таджикистана), минировавшихся во время гражданской войны. Некоторые жители вспоминают, что земля там была буквально усеяна минами, но где конкретно, они показать не в состоянии. Поэтому мы можем годами прочесывать эти районы, но так ничего и не найти.

Что вы можете сказать о взаимодействии между таджикскими властями и саперными группами?

Правительство Таджикистана создало благоприятную рабочую атмосферу. Полную готовность к сотрудничеству демонстрируют все ведомства и подразделения, будь то армия, пограничная служба или ведомство по чрезвычайным ситуациям. Именно власти определяют состав лиц, а это главным образом военнослужащие, подчиняющиеся министерству обороны Таджикистана, которых мы должны обучать. Нас обеспечивают картами и некоторыми помещениями. Во многих странах, где мне приходилось работать, правительство на практике мешает тебе делать свое дело. Здесь же все совсем наоборот.

Как наличие мин в приграничных районах сказывается на обеспечении контроля и безопасности?

Мины, заложенные вдоль таджикско-афганской границы в начале 1990-х годов, сейчас препятствуют

ОБСЕ/АЛЕКСАНДР САДЫКОВ

Советник по проектам Майк Стори

В рамках продолжающейся пятый год программы ОБСЕ-Фонд по разминированию в Таджикистане:

- проведены мероприятия топогеодезической разведки в более чем 1000 деревнях, в результате чего удалось определить опасные зоны и наметить первоочередные задачи по очистке территорий от мин;
  - выявлено свыше ста минных полей;
  - очищена территория общей площадью почти 500 000 квадратных метров;
  - уничтожено 2264 противопехотные мины, три противотанковые мины, 753 единицы других неразорвавшихся боеприпасов и 4096 патронов к стрелковому оружию;
  - местному населению передано для безопасного использования десять очищенных от мин участков;
  - проведено или подготовлено 29 учебных курсов для санитаров, геодезистов, специалистов по разминированию, руководителей групп, экспертов по утилизации боеприпасов, а также специалистов по базам данных;
  - подготовлено более 350 национальных экспертов по разминированию.
- Интернет-сайт национальной программы Таджикистана по разминированию: www.mineaction.tj

ют осуществлению патрулирования и строительству контрольно-пропускных пунктов и сторожевых вышек. Эти буквально начиненные минами территории недоступны не только для контрабандистов и боевиков, для защиты от которых и осуществлялось минирование, но и для пограничников. Мины ведь действуют без разбора, поэтому их надо обезвредить, прежде чем начать применять те или иные методы наблюдения за линией границы.

Виден ли, на ваш взгляд, конец стоящей перед Таджикистаном "минной дилеммы"?

На самом деле Таджикистан – одна из немногих стран, где виден свет в конце туннеля. Проблема относительно невелика, и с ней можно справиться, тем более, что налицо твердая политическая воля к ее решению. Однако если мы будем и впредь продвигаться нынешними темпами, на это уйдут десятилетия. Нам нужно нарастить свой потенциал, начать использовать механизированный способ разминирования с помощью соответствующей техники, нанять большее число саперных групп и групп топогеодезической разведки, а также обеспечить увеличение финансирования всех наших мероприятий.

Добившись этого, мы сможем сделать гораздо больше. Здесь мы находимся уже четыре года; мы знаем, что делаем, у нас на местах работают очень опытные люди, и проект находится на продвинутом этапе реализации. Образно говоря, мы как скаковая лошадь, в нетерпении роющая землю копытом в ожидании заезда.

Реалистично ли, по вашему мнению, ожидать, что страна справится с поставленной ею задачей завершить согласно Оттавской конвенции процесс разминирования к апрелю 2010 года? Ведь остается меньше трех лет.

Я не могу определить конкретный срок, но могу сказать, что

чем больше у нас опыта и чем уверенней мы себя чувствуем, тем большую площадь мы сможем очистить от мин. В 2006 году мы разминировали вдвое большую территорию, чем в 2005, причем с меньшим количеством ресурсов. Можете себе представить, что нам удалось бы сделать в этом году, и в 2008, и в 2009, и в 2010, если бы мы смогли нарастить свой потенциал. Вне всяких сомнений мы могли бы решить эту проблему в обозримом будущем. Именно в этом и заключается вызов, перед которым мы стоим.

Присоединившись в 1999 году к Оттавской конвенции, правительство Таджикистана не оставило сомнений в серьезности своих намерений реализовать видение Таджикистана как страны, обезопасившей себя от негативных гуманитарных и экономических последствий использования мин. В 2004 году власти страны уничтожили свои последние запасы этого оружия – более 3000 мин. Теперь остается лишь разобраться с закопанными в землю "штуковинами". К сожалению, у страны нет собственных средств для выполнения данного обязательства, и поэтому мы призываем страны-доноры, проявив щедрость и чувство ответственности, включиться в это дело и помочь Таджикистану достичь своей цели.

Михаэль Унланд является сотрудником по вопросам СМИ Центра ОБСЕ в Душанбе. Он занимался работой в интересах развития в Германии, Чили, Беларуси, России, Казахстане и Кыргызстане, а до того был журналистом на радио и в интернет-изданиях. Кроме того, он отвечал за реализацию нескольких проектов в сфере коммуникаций по линии ПРООН и организации "Мерсикорпс".

Разминирование в Таджикистане

Основные доноры: Канада, ОБСЕ и Германия

Прочие доноры: Бельгия, Норвегия, Соединенное Королевство, Франция, Швейцария, Швеция и Япония

Бюджет 2007 года: 3,7 млн. долл. США; на данный момент ОБСЕ, ПРООН и правительства стран-доноров предоставили 1,4 млн. долларов.

Персонал: четыре международных и 160 национальных сотрудников, разбитых на четыре группы по ручному разминированию

По официальным данным, почти 25 млн. м² территории Таджикистана были "загрязнены" противопехотными минами и неразорвавшимися боеприпасами:

- в начале 1990-х годов (участки вдоль таджикско-афганской границы на юге);
- во время гражданской войны (1992-1997 гг.), особенно в центральной части Таджикистана; и
- в 2000 году (участки вдоль границы между Таджикистаном и Узбекистаном на востоке и севере страны).

За последние 15 лет в результате подрыва на минах погибли 277 и получили ранения 300 граждан Таджикистана. Более 20 процентов из них – дети, проживающие в бедных сельских районах.

В рамках программы ОБСЕ – ФСД с середины 2006 года 12 собак, специально обученных в Афганистане обнаруживать мины, помогают сокращать список предположительно заминированных территорий.

ФСД ШВЕЙЦАРСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ В РАЗМИНИРОВАНИИ

Пахтакорцы

ОСД ШВЕДЦАРСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ В РАЗМИНИРОВАНИИ

Один на один с минами и каскадом связанных с ними последствий

АЛЕКСАНДР САДЫКОВ

“Э то — мертвая земля, — говорит Лолахон. — Ее загубила вода”. Мой гид, уже немолодой человек в поношенных одеждах, показывает мне небольшое село Пахтакор, расположенное в Пянджском районе, на юге Хатлонской области.

Пахтакор находится в непосредственной близости от 1350-километровой границы между Таджикистаном и Афганистаном, отдельные участки которой, как говорят, усиленно минировались российскими пограничниками в начале 1990-х годов в целях защиты от контрабандистов и бандформирований. Этот район был выбран в качестве главного направления работы на начальном этапе сезона разминирования в этом году. Из-за суровых погодных условий в зимние месяцы очистка территории от мин может осуществляться в лучшем случае в период между мартом и ноябрем.

Мы идем по пыльной дороге, и порывы ветра то и дело доносят до нас затхлый, болотистый запах, идущий с залитых водой полей. Стоящие группками глинобитные избы выглядят заброшенными. Все окрестные поля пропитаны водой и лишены какой бы то ни было растительности — разительный контраст с зеленеющими весенними полями в других районах страны.

Когда-то Пахтакор славился своей сельскохозяйственной продукцией. Вода поступала сюда из реки Пяндж через сотни связанных в единую сеть оросительных каналов и использовалась для ирригации этого засушливого района, благодаря чему его жители могли выращивать хлопок. Но когда началась гражданская война, эта система, функционировавшая на протяжении сотен лет, перестала существовать, поскольку дренажный арык, отводивший воду обратно в р. Пяндж, был заминирован. Застойная из-за отсутствия стока

вода постепенно превратила некогда плодородные земли в болото.

“Для нас эти арыки были всем: они давали нам хлеб, жизнь и надежду”, — говорит Ранохон Саидова, заместитель руководителя *джамоата* (единица местного административно-территориального деления) Кулдимон, вынесшего на себе основную тяжесть катастрофы.

“Раньше мы чистили арыки каждый год. Но теперь мы перестали это делать: вода все равно никуда не уходит, поскольку ниже по течению канал заминирован.

Несколько старейшин *джамоата* пригласили меня в помещение местной школы, где они хотели поговорить со мной о своих проблемах.

“Вода уже разрушила семь домов в кишлаке Гушон, — говорит один из деревенских аксакалов с усталым видом. — А в Кулдимоне вода отняла почти 76 гектаров земли. Некоторые из наших коров, которых мы просто не можем позволить себе потерять, поражены инфекционными заболеваниями”.

Кроме того, происходящее сказывается и на здоровье людей, что весьма тревожно. Заболоченная территория — идеальное место для размножения комаров. По словам Худойберды Саидова, заместителя руководителя Центра тропических заболеваний в Пяндже, в 2006 году более чем у 115 жителей этого района была диагностирована малярия.

Одним из них был пятилетний Мунис. Двухэтажный дом, в котором проживает его семья, находится всего лишь в 10 метрах от заболоченного участка. “Летом здесь просто тучи комаров, — говорит мама Муниса, Сабохат Мирзоева. — Они нас кусают, а мы ничего не можем сделать. Все, что нам остается, это надеяться, что эти комары — не разносчики малярии”.

Александр Садыков является старшим референтом по вопросам прессы и общественной информации в Центре ОБСЕ в Душанбе. Он выпускник университета по специальности “международные отношения и журналистика”, родом из небольшого горного городка Пенджкент на севере Таджикистана, близ границы с Узбекистаном.

Разъяснительная работа среди местного населения в Таджикистане на тему о минах — одна из ключевых задач противоминной программы действий.

Охраняя “пористую” границу на “крыше мира”

Горы Памира и их окрестности, исследовавшие Марко Поло, завоевывавшиеся в свое время Александром Великим, Чингисханом и Тамерланом и превращенные в нейтральную буферную зону между англичанами и русскими во время т. н. “Большой игры”, повидали на своем веку немало драматических событий. В июле 2006 года группа пограничных экспертов ОБСЕ начала свою 12-дневную поездку на “крышу мира” (см. карту на стр.31), чтобы на месте оценить способность Таджикистана обеспечить пограничный режим и надежную охрану своей “пористой” южной границы с Афганистаном и восточной границы с Китаем.

ГЕНРИ БОЛТОН

В июне 2006 года Таджикистан обратился к ОБСЕ с просьбой помочь ему в определении оптимальных путей и способов, с помощью которых его национальные ведомства могли бы справиться со стоящими перед страной труднейшими задачами, касающимися границ.

Чтобы иметь возможность оценить ситуацию максимально точно, нам необходимо было доехать на автомобилях до Памира и перевалить через его горные хребты, высота которых местами достигает 7600 метров. Путешествие в этот суровый, глухой уголок земли по плохим дорогам потребовало сложной и кропотливой подготовки при содействии со стороны различных подразделений Секретариата, Центра ОБСЕ в Душанбе и таджикской делегации в ОБСЕ.

Кроме того нужно отметить, что эти горы расположены на юге-востоке страны, в Горно-Бадахшанской автономной области, куда мы могли въехать, только получив у правительства Таджикистана специальный допуск и внутренние визы.

В ранние утренние часы 21 июля, после восьмичасовой промежуточной посадки в Стамбуле, Ярек Петрусевич, Йоган Вагнер, Кэтлин Самьюэл

и я – все из Центра по предотвращению конфликтов – приземлились в аэропорту Душанбе. А в 8:30 мы уже проводили первую из, как потом оказалось, 35 встреч с представителями широкого круга правительственных министерств и ведомств и международных доноров.

Утром 23 июля к нам присоединились Риккардо Лепри из Центра в Душанбе и майор Абдул Вагель, наш сопровождающий из пограничной службы Таджикистана. Убедившись в том, что каждый из наших трех полноприводных автомобилей имеет по два запасных колеса, 60 литров воды, дополнительный запас топлива, средства радио- и спутниковой телефонной связи, а также запас провианта, мы отправились в свое 2000-километровое путешествие.

После поездки по совершенно невероятной местности мы прибыли в Нижний Пяндж, где были “тепло встречены” температурой в +51°C и представителями двух погранпостов и контрольно-пропускного пункта. Река Пяндж – приток Амударьи, самой длинной реки Центральной Азии – протекает вдоль всей таджикско-афганской границы. Это та самая водная артерия, которая в прошлом носила название “Окс” и которую в 329 году до н. э. форсировал Александр Великий, когда преследовал предводителя персов Бессуса.

Далее наш путь пролегал на северо-восток и восток вдоль северного берега реки Пяндж, в направлении на Куляб. Нет нужды говорить, какой желанной стала для нас остановка на отдых с ночевкой в гостевом особняке ПРООН в этом городе. На следующий день мы пересекли внутреннюю административную границу между Хатлонской областью и Нагорным Бадахшаном и въехали в этот автономный край. На погранзаставе в Хал-

Ишканим является самым южным контрольно-пропускным пунктом на границе с Афганистаном.
ОБСЕ/Йохан Вагнер

е-Хуме нас проинформировали об обстановке на границе: появления групп боевиков и перестрелки через линию границы здесь, судя по всему, явления не редкие.

Не успев далеко отъехать от этого места, мы заметили на островке примерно посередине реки Пяндж, между таджикской деревней на одном берегу и афганской на другом, незатейливую, но вполне функциональную волейбольную площадку. Да здравствует трансграничное сотрудничество!

Чем дальше на восток мы продвигались, тем интересней становилась пища. Причем кулинарного пика она достигла на Памире. Далее мы продолжили путь на Хорог, столицу Горного Бадахшана, знакомясь по дороге с пограничными объектами. После 14-дневного путешествия по грунтовым дорогам мы были вознаграждены возможностью остановиться в этом городе в комфортабельных помещениях, где мы тогда провели первую из двух ночей.

Утром 25 июля, пополнив запасы питьевой воды (ее расход составлял пять литров на человека в день), мы собрались в помещении региональной штаб-квартиры погранвойск в Хороге – потенциальном месте проведения подготовки кадров с упором на организацию пограничного патрулирования в рамках предлагаемого проекта ОБСЕ. Как и большинство баз, используемых в настоящее время Таджикистаном, эта была унаследована от российских пограничников, когда они в 2005 году передавали функции охраны границы таджикским национальным властям. Эти объекты достаточно прочны и основательны, но ветшают и остро нуждаются в элементарном ремонте.

Побеседовав с местным начальником погранслужбы и его подчиненными, мы отправились из Хорога в восьмичасовую обзорную поездку: по довольно ухабистым дорогам мы проехали вдоль р. Пяндж через ущелье до Ишкашима, самого южного таджикского КПП на границе с Афганистаном, находящегося в начале Ваханского коридора, всего в каких-то 15 километрах от границы с Пакистаном.

Именно в этих местах в XIX веке была разыграна “Большая игра”, когда Великобритания и Россия подписали договор, по которому полоска территории Ваханского коридора была присоединена к Афганистану с целью создания нейтральной буферной зоны между двумя империями.

Во время пребывания в Ишкашиме произошел эпизод, ненадолго приятно отвлекший наше внимание от дел. Когда мы обедали, как-будто ниоткуда появилась молодая английская супружеская пара и обратилась к нам за помощью: у них, в середине их кругосветного путешествия, сломался внедорожник.

Мы вернулись, чтобы провести вторую ночь в Хороге, дав себе возможность привыкнуть к условиям высокогорья и подготовиться к подъему на Памир на следующий день. Дело здесь не только в

комфорте. Если подниматься в горы слишком быстро (более чем на 350–500 метров в день), на высоте свыше 2500 метров можно пострадать от высотной болезни, которая, если не принять надлежащих мер, может привести к отеку мозга или легких, нередко вызывающему летальный исход.

Как обычно проверив утром свои автомобили и средства связи, мы отправились в путь – в Шугнанские горы и на Памир. Там нашему взору открылись поразительно живописные виды. На участках горной местности с наиболее плодородной почвой мы кое-где замечали одноэтажные дома из глиняных кирпичей, типичные для Пянджского низкогорья. Постепенно, однако, растительность уступала место пустынным пространствам в обрамлении покрытых снегом горных хребтов.

Наконец мы прибыли в “столицу” Памира – Мургаб. Этот находящийся на высоте 4000 метров над уровнем моря город является самым высокогорным в Таджикистане и в то же время центром региональной торговли. Он служит перевалочным пунктом для китайских торговцев, направляющихся вглубь Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, как они это, должно быть, делают еще со времен Марко Поло.

В советские времена в Мургабе располагался крупный военный гарнизон для защиты Таджикистана от угрозы китайского вторжения. В этой местности то и дело встречаются традиционные низкие строения, “юрты” (переносные жилища), и кочевники-киргизы, пасущие своих яков.

Однако для нас Мургаб представлял интерес по другим причинам: здесь находится главный пункт таможенной очистки на границе с Китаем, и этот город – последний населенный пункт перед китайской границей и перед пограничным КПП на перевале Кульма, расположенном на другом краю пустыни, в 98 километрах отсюда.

На пути к таджикско-афганской границе через горы Памира.

ОБСЕ/ГЕНРИ БОЛТОН

ОБСЕ/ГЕНРИ БОЛТОН

На перевале Кульма: вид со стороны Таджикистана на китайскую границу.

На следующий день мы отправились в путь через пустынную долину Аксу на восток, к перевалу Кульма и границе с Китаем. Находящийся на высоте 4365 метров над уровнем моря перевал Кульма – самая настоящая “глухомань”. Зимой температура здесь опускается до -60°C , из-за чего граница в зимние месяцы закрыта. Однако в день нашего приезда было жарко: $+43^{\circ}$.

Поскольку перевал Кульма – единственный таджикский КПП на границе с Китаем (на всех других участках границы установлено проволочное ограждение и осуществляется патрулирование вооруженными пограничниками с обеих сторон), он является жизненно важным пунктом транзитной торговли и как таковой имеет огромное значение для таджикской экономики. В то же время он представляет собой потенциальный канал для незаконных поставок химических веществ-прекурсоров (без которых невозможно производство героина) в Афганистан. Убедившись в том, что ОБСЕ действительно может оказать помощь пограничникам в Кульме, мы вернулись на вторую ночевку в Мургаб, с тем чтобы на следующий день

Генри Болтон (справа) и его друзья перед зданием в Мургабе, в котором группа пограничных экспертов останавливалась на постой.

ОБСЕ

отправиться на таджикско-киргизскую границу.

Мы поехали на север, мимо озера Сасык-Кель, через место расположения бывшего советского военного гарнизона близ Каракуля и по Харгуш-Памирскому взгорью в направлении на Кызыл-Артский перевал и контрольно-пропускной пункт на таджикско-киргизской границе. Здесь пограничники несут службу по семь месяцев подряд – на удалении 15 километров от ближайшего источника воды и не имея доступа к какому-либо транспорту.

Через этот КПП мы въехали на территорию Кыргызстана, где дальнейшими точками нашего маршрута стали местное отделение ОБСЕ в Оше и Центр в Бишкеке; там мы провели встречи с представителями киргизских властей по беспокоящим их проблемам обеспечения пограничного режима и безопасности на границе.

По итогам этой оценочной поездки ОБСЕ предложила четыре конкретных проекта оказания помощи Таджикистану:

Выработка национальной пограничной стратегии. Оказание правительству Таджикистана технического содействия в выработке национальной пограничной стратегии;

Составление программы пограничного патрулирования и руководство организацией погранслужбы на таджикско-афганской границе. Предоставление инструкторов, обладающих достаточными навыками и знаниями, необходимыми для осуществления неинструментального контроля за таджикско-афганской границей;

Усиление иммиграционного контроля. Повышение способности таджикских властей выявлять поддельные, украденные и утерянные идентификационные документы на въезд/выезд и разработка единых национальных процедур ведения учета и отчетности; а также

Оказание помощи таможенной службе на таджикско-китайской границе. Модернизация и переоснащение таджикского пункта таможенной очистки в Мургабе с целью расширения его возможностей по обнаружению химических прекурсоров, а также других запрещенных товаров и контрабанды.

Помимо этого обсуждается идея создания в стране центра ОБСЕ по вопросам обеспечения пограничного режима в регионе.

Генри Болтон, являющийся с июня 2006 года старшим советником ОБСЕ по пограничным вопросам, ранее состоял на службе правительства Соединенного Королевства, в британской армии, в Еврокомиссии, ООН и ряде структур ОБСЕ на местах. В ходе выполнения различных служебных заданий – от руководства работой международных полицейских наблюдателей до выработки комплексной стратегии обеспечения пограничного режима – ему доводилось бывать в командировках в Канаде, Дании, Норвегии, Германии, Грузии, на Балканах и в Центральной Америке.

Вооружения и боеприпасы: избавиться от греха подальше с немалозначимой помощью со стороны друзей Таджикистана

Что общего имеют делегации при ОБСЕ таких стран, как Нидерланды, Норвегия, Словения, Соединенные Штаты, Финляндия, Франция, Швеция и, с недавних пор, Андорра, Бельгия и Испания? Все они – члены неофициальной “группы друзей Таджикистана”, поставившие себе главной целью помочь защитить население этой страны от экологических и связанных с безопасностью рисков, вызываемых мрачным наследием шести лет гражданской междоусобицы – наличием огромных запасов легкого и стрелкового оружия (ЛСО) и обычных боеприпасов.

УИЛЬЯМ ПРИОР

В 2003 году, когда ОБСЕ создала в рамках Форума по сотрудничеству в области безопасности специальный механизм для оказания государствам-участникам помощи в расширении их возможностей по уничтожению легкого и стрелкового оружия и боеприпасов, а также управлению их запасами, Таджикистан стал одним из первых, кто обратился за таким содействием.

В результате объявленной после гражданской войны амнистии лиц, имевших на руках оружие, власти страны собрали огромный арсенал, насчитывающий тысячи единиц стрелкового оружия и более 20 тонн взрывчатых веществ. Посетив в августе 2004 года центральный военный склад Таджикистана, группа экспертов под руководством Центра ОБСЕ по предотвращению конфликтов подтвердила наихудшие опасения правительства этой страны: условия хранения этих запасов и уровень подготовки персонала, отвечающего за их охрану, абсолютно не соответствовали никаким стандартам безопасности.

Помимо опасности экологических происшествий, слишком велика была угроза того, что этой

опасной добычей могут завладеть террористы или что она попадет на черный рынок. Время терять было нельзя. В июне 2005 года была начата реализация комплексной, учитывающей местную специфику программы. Сегодня близится к завершению ее первый этап, касающийся Душанбинской области.

Результаты говорят сами за себя. Власти Таджикистана:

- построили в Лохуре, близ Душанбе, объект по уничтожению боеприпасов;
- обучили девять экспертов навыкам уничтожения взрывоопасных боезарядов;
- уничтожили 34 тонны взрывчатых веществ;
- построили в Лохуре и оснастили объект по уничтожению ЛСО;
- уничтожили 26 000 винтовок, автоматов и пистолетов, включая АК-47, АК-74 и пистолеты Макарова;
- построили или модернизировали семь объектов складского хранения в Душанбе для министерства внутренних дел, Агентства по контролю за наркотиками, Генеральной прокуратуры, военной прокуратуры, министерства обороны, министерства по налогам и сборам, а также Комитета охраны государственной границы.

Руководитель проекта Александр Аношкин объясняет, почему его реализация пока что идет исключительно хорошо.

“Во-первых, сами таджикские власти демонстрируют неизменную поддержку наших совместных усилий, включая подбор квалифицированных и исполненных энтузиазма партнеров в соответствующих правительственных ведомствах. Во-вторых,

Безопасные и хорошо защищенные склады ЛСО и боеприпасов были построены в рамках программы ОБСЕ при поддержке Швеции, Словении и Нидерландов.
Фото: ОБСЕ/Том Шрёдер

ОБСЕ/СЪАМНА ЛЮ

Гидравлические ножницы используются для резки оружия на объекте МВД по уничтожению оружия.

ОБСЕ/СЪАМНА ЛЮ

Подполковник Мортен Лёдээн рассказывает посетителям о том, как хранятся опасные материалы.

“группа друзей Таджикистана” выполнила обещанное и собрала свыше 730 000 евро в поддержку первого этапа”.

С целью выяснить, как идет дело, представители пяти стран-доноров посетили Лохур в ходе своей апрельской поездки в Таджикистан. Они смогли сами увидеть, каким образом министерство обороны, используя недавно переоборудованный объект, смогло за последние полтора года уничтожить более 34 тонн боеприпасов и взрывчатых веществ.

“Я впечатлен и обнадёжен достигнутыми на сегодняшний день результатами, которые побуждают меня рекомендовать продолжить нашу поддержку этой программы и на втором этапе”, – говорит военный советник делегации Финляндии Миса Кангасте.

С ним согласен его коллега из норвежской делегации Том Шрёдер. “Мы все удовлетворены тем, как сотрудничают Центр ОБСЕ и власти Таджикистана в целях повышения безопасности на благо не только граждан этой страны, но и региона ОБСЕ в целом”, – отмечает он.

Оба этих официальных лица являются активными участниками Форума по сотрудничеству в области безопасности, который каждую неделю собирается в Вене для обсуждения и принятия решений по военным аспектам безопасности в регионе ОБСЕ. В число других стран, обратившихся за помощью в противодействии угрозам, связанным с неконтролируемым распространением и дестабилизирующим накоплением ЛСО и обычных боеприпасов, входят также Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Узбекистан, Украина и Черногория.

Члены “группы друзей Таджикистана” также посетили ряд районов на юге Хатлонской области, где могут быть размещены объекты складского хранения ЛСО.

“Мы все должны приветствовать то, что Таджикистан столь сознательно подходит к хранению опасной техники в соответствии со стандартами лучшей практики, – говорит подполковник Мор-

тен Лёдээн, прикомандированный Норвегией для выполнения функций старшего технического советника программы. – Действуя подобным образом, страна способна не допустить попадания имеющихся у нее запасов в руки потенциально преступных элементов”.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ

Ничто так не воодушевляет, как успех, поэтому в конце 2006 года в ответ на просьбы ряда ведомств страны о продолжении программы Центр ОБСЕ в Душанбе разработал и приступил к осуществлению новой серии мероприятий. Среди прочего предусматриваются следующие меры:

- утилизация избыточных ракетных ускорителей;
- создание системы утилизации самодельных взрывных устройств (иногда называемых СВУ или “придорожными бомбами”);
- строительство складов легкого и стрелкового оружия и обычных боеприпасов в различных регионах страны;
- строительство склада обычных боеприпасов; и
- обучение обращению с боеприпасами и управлению запасами.

Высокая стоимость этого комплекса мероприятий не вызывает удивления: более 1,5 миллиона евро, из которых еще предстоит изыскать полмиллиона евро.

“Переоценить пользу от программы невозможно, реализация этих мер позволит Таджикистану в дальнейшем стать образцом в деле управления запасами боеприпасов в регионе ОБСЕ”, – говорит Александр Аношкин.

“Мы надеемся, что в рамках второго этапа в стране будет завершена работа по созданию необходимых объектов, укомплектованных квалифицированными специалистами, и организации ответственного и эффективного управления запасами не только на текущий период, но и на перспективу”.

Уильям Приор является сотрудником местного отделения Центра ОБСЕ в Кулябе на юге Таджикистана.